РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ

Опыт философского размышления

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В РОССИИ. СВЯЗЬ И РАЗРЫВ ПОКОЛЕНИЙ

А.Е. РАЗУМОВ

Мы – русские, какой восторг!
А. Суворов

Эллинами называются скорее те,
кто участвует в нашей культуре,
чем те, кто имеет с нами общее родство.
Исократ

Мой патриотизм – это не замыкание на одной нации;
он всеобъемлющ,
и я готов отказаться от такого патриотизма,
который строит благополучие одной нации
на эксплуатации других.
Ганди (Махатма)

«Национализм – это детская болезнь. Это корь человечества», – утверждал великий физик, мыслитель и гуманист Альберт Эйнштейн. Человечество явно больно корью, которую не в состоянии пока излечить нынешняя Организация Объединенных Наций и иные с ней связанные весьма полезные, лечебные организации. Более того, нельзя исключать возможность летального исхода. Над нашим существованием все еще висит угроза последней и окончательной глобальной войны. Ни для кого из нас война не является чем-то внешним, от чего можно уйти во внутренний мир безгрешного бытия. Она вне и внутри каждого из нас, святого и грешника, и у каждого своя мера ответственности. Между тем локальные войны не перестают быть осуждаемым, но допустимым способом утвердить собственный национальный и государственный интерес, и в том числе, средством нести в мир «истину» своей национальной идеи.

Хрупкому существованию нашего рода могут угрожать даже такие, казалось бы, местные, национальные заболевания, «флуктуации»-разрывы, какие произошли, например, в Украине. Объединение по национальному признаку вскоре обнаружило кризис национальной идеи. Все началось как борьба с казнокрадами и олигархами за свободу и демократию, но цели были быстро забыты, и можно было наблю-

дать не редкий в истории случай, когда националисты обряжаются в наряды слуг Отечества. Случившееся наводит на мысль, что вопросы войны и мира не стоит оставлять только на усмотрение политиков. Стоит привлечь к обсуждению этого вопроса и гражданское общество, которое еще надлежит создать.

О том, как опасно не замечать симптомы «детской болезни», можно судить по той легкости, с какой некогда обрели в Германии неограниченную власть любители своей расы, своего народа и своей нации. Появились национал-социализм и общее помешательство на родине великих гуманистов Гейне и Гёте, на родине Канта, учившего каждого мыслить самому и смотреть на свою мысль глазами другого, т.е. быть гражданином мира. Можно вспомнить еще коллаборационизм на родине Просвещения. Пока тот нацизм и его последствия – это одна из наиболее постыдных страниц в многотомной книге человеческой истории, в которой и без того добро и зло перемешаны самым причудливым образом.

Как уже было сказано выше, завершение существования может последовать не только от возможных космических и планетарных катаклизмов, но самое досадное то, что оно может произойти вследствие человеческого неразумия, «разрухи в головах». Время является самым большим демократом и равным образом уносит все однажды рожденное. Все равны перед смертью и не стоит торопить время термоядерным, бактериологическим или иным способом ухода. Угрозы существованию рода можно проследить по разным направлениям глобального общественного бытия и мирового сознания, но серьезные конфликты, несогласованность национальных и государственных интересов следует отнести к числу наиболее фундаментальных в списке причин возможной катастрофы. Есть смысл прислушаться к рекомендациям Ганди и других великих учителей человечества и, следуя их советам, приближать и выстраивать гармонию мировых интересов, хотя это и кажется сегодня фантазией и утопией. Но положение можно изменить совместными усилиями в рамках общих планетарных задач (например, сохранение среды обитания, лесов, запасов питьевой воды и пр.), политического диалога, взаимопонимания и взаимообогащения культур.

Сегодня мы живем в мире неопределенности. Прежний миропорядок ушел, новый еще только намечается. Каким он будет, неясно, но, похоже, многим политическим игрокам следует умерить амбиции, ибо альтернативы взаимопониманию не существует[1]. Слишком велики риски, связанные с конфликтом цивилизаций. Согласитесь, будет умнее, если мир станет управляться не политическими амбициями государств и отдельных персонажей, а сотрудничеством и взаимной выгодой. До исполнения моральных заветов в политике еще далеко, но пусть и эта звезда светится на горизонте. А пока заметим, что на

диалог наши партнеры согласятся лишь с независимым и сильным собеседником.

В этой ситуации предназначение России следует искать в сферах свободы, познания, культуры, морали, но для исполнения миссии следует, критически взглянув на самих себя, возможно, кое в чем перемениться, понять причины многих своих побед и провалов. Наши предки несли не только «глаголы веры» и «правду» героических ратных и иных побед, но и деяния с высоты общечеловеческого обозрения весьма сомнительные. Это тот случай, когда претендующий быть воспитателем, сам должен быть воспитан.

Для достижения цели взаимопонимания необходимо, в частности, заняться прояснением вопросов национального сознания и познания, самосознания и самопознания. При этом мое национальное самопознание будет далеко не полным, если по совету Канта оно не уяснит, как именно моя мысль, мой национальный интерес и национальная идея представлены в голове другого, как они выглядят в его глазах. Не то, как мне хочется, а то, как они представлены на самом деле. Я должен выяснить, как меня и мою историю воспринимают мои партнеры по глобализму; как и что «словом и делом» государственным следует разъяснить им, чтобы быть понятым. Задача не из простых, если учесть мою собственную сложность. Решение задачи лежит в области геополитики, затрагивает вопросы геополитических стратегий и геополитических ориентиров. К этому мы еще вернемся, а сейчас хочу отметить, что не просто, но крайне желательно подготовить почву для необходимой взаимной коррекции позиций.

***

Начнем с русского национального характера, который формирует наше поведение, возможно, не меньше далекой, абстрактной идеи. Стоит отметить его крайнюю неоднозначность. В особенности это относится к изначальному, вековому стремлению русских предпочесть умеренности во всем крайность, желание во всем достичь крайних пределов человеческих возможностей. В собственной истории мы можем обнаружить примеры глубочайшей монастырской и иной святости, а также греховность, религиозную нетерпимость, богоборчество; идеологию «нестяжательства», «милость к падшим» и воровство в национальных масштабах. Мы славим героизм защитников Отечества и героизм какой-нибудь одной из сторон братоубийственной гражданской резни. В истории России можно легко обнаружить стремление к свободе, в крайних проявлениях принимающее вид разбоя, анархии и вольницы; тираноборцев и прославление деспотов (Иван Грозный, Петр Великий, «Вождь народов» тов. Сталин). Поклонение последнему из них в особенности не добавляет симпатий к моему народу и моей национальной специфике. Большой, до сей поры не решенной

проблемой национальной практики является способность народа и власти содействовать одним проявлениям собственных влечений и противостоять другим. Национальная склонность к крайностям простирается от чрезмерного увлечения сорокаградусной «менделеевкой» (в этом есть связь и разрыв поколений, ибо «Домострой» рекомендовал к употреблению только хмельные медовые напитки и пиво) до стремления проникнуть в тайны Мирового океана, освоить Север и первыми побывать в космосе.

Конечно, наше национальное сознание проявляется и в чрезмерном иногда желании раздвинуть границы территории и сферы влияний, но здесь мы не одиноки среди других народов и этносов. Стоит вспомнить, что истоки и дальнейшее формирование российской империи знают «вмешательство во внутренние дела» и захват территорий со стороны угров, половцев, татаро-монголов, поляков, шведов, французов, германцев... Но Россию принято считать весьма агрессивной державой, которую может остановить только вооруженная сила США и сила их послушного младшего брата НАТО. Было дело, СССР, не доверяя дипломатии, шел на крайние меры и, спасая «дружественные» политические режимы, вводил войска в Венгрию и в Чехословакию, появлялся в Корее, в Египте, в Сирии... Еще Союз ССР воевал в Финляндии, присоединял Бессарабию и Прибалтику. Все это в глазах соседей симпатии к России не добавляет. Одновременно кому-то может быть выгодно представлять Россию потенциальным агрессором и, по возможности, держать ее в изоляции. Россия, в свою очередь, делает свой выбор, меняя геополитические ориентиры, постепенно и осмотрительно перемещая их с Запада на Восток, в сторону культур Китая, Индии, а также Латинской Америки, не отказываясь от партнерства с Европой, с которой Россию столетиями объединяют христианство и общие истоки в греко-римской Античности. Тогда, если это предприятие станет успешно развиваться и Европа лучше усвоит, в чем состоит ее интерес, с кем ей не лишне объединиться, и позиция России будет выглядеть в ее глазах более понятной.

Среди крайностей национального сознания следует особо выделить идею борьбы с мировым злом с помощью революционного насилия. Идея, которая еще не так давно прославлялась, была оформлена большим количеством легенд и мифов, стихов и песнопений, затем подверглась беспощадному осуждению. В период ускоренного «становления» российского варианта капитализма, мгновенно возникавших финансовых «элит», былое учение и осуждение эксплуатации, мягко говоря, утратило актуальность. Учение следовало представить исторической нелепостью, не соответствующей тем воззрениям, которые приняты в среде передовых, высокоразвитых, демократических стран. Теперь только время покажет: не загнали ли мы в глубину национального подсознания, готовую при нужде воспламениться,

идею революционного насилия. Будем надеяться на лучшее. Вопрос о степени насилия в борьбе за правое дело, которую допускает мое национальное сознание, история оставляет открытым. Насилия со стороны власти и со стороны подданных.

Относительная безнаказанность и демонстративный характер «первоначального накопления капитала» в начале 1990-х сильно подорвали нравственное здоровье нации, что, в свою очередь, не могло не отразиться в области народного хозяйства, подстегнув и без того актуальную проблему коррупции. Последствия будут еще долго отзываться в российской жизни хищениями «в особо крупных размерах», сообразно особенностям русского национального характера, и бегством денег в зарубежные банки. Случилось даже то, чего давно не наблюдалось в российской истории, а именно, хищения, спекуляции и торговля собственностью Министерства обороны. Факт символического значения. И большой привет «гражданскому обществу» РФ от бывшего министра-финансиста Сердюкова, его энергичной, творческой подруги Васильевой и нашего замысловатого правосудия, которое долго не могло определиться с наказанием виновных. По словам Павла Милюкова, во все времена главной заботой государства была проблема, где взять деньги «на войско» и на оплату чиновника. Нетрудно понять, что задача усложнялась вследствие склонности к воровству в среде не только чиновников, но и высших представителей госслужащих.

Все отмеченное можно отнести к числу причин, сильно затрудняющих выполнение заявленной Президентом РФ программы «новой индустриализации». В определенном смысле мы в этом случае только наследуем известные традиции прошлого. По поводу «бегства денег» заметим, что уже Александр Данилович Меньшиков хранил свои «накопления» на счетах в иностранных банках на сумму около девяти миллионов рублей, что было сопоставимо с годовым национальным бюджетом. За то воровство он был наказан реформатором Петром. Светлейший князь Потемкин-Таврический, реформируя тогдашние «вооруженные силы», как говорят историки, не различал собственный и государственный карманы. Так что прецеденты хищений на верху власти и бегства денег известны. Кстати, оба отмеченных исторических персонажа верно служили России и ее национальному интересу, как они его понимали. Но, может быть, сегодняшнему «демократическому обществу» стоит прервать эту печальную связь поколений, хотя это непросто. Не думаю, что подобные хищения можно оправдать даже самой светлой национальной идеей.

Ответ на вопрос: какого рода сознание следует прописывать по адресу русской национальной идеи, во многом зависит от того, какая онтология прописана в моей голове. Либо это идея-программа, как «идея» Платона, каким-то образом закодированная в нашем нацио-

нальном существовании, а индивидуальное и групповое сознания только «распаковывают» заложенные в нее смыслы; раскрывают их сообразно времени и собственной компетенции. Либо не существует никакой изначально заданной национальной идеи, но есть исторический ряд (иногда конфликтующих) идеологий, в которых представлено то или иное понимание национальных интересов, сквозь которые нечто, возможно, просвечивается. Второе толкование онтологии «национальной идеи» представляется мне более интересным и с этим толкованием я продолжу начатое исследование данной проблемы.

Есть фундаментальные программы, столетиями организующие поведение и идейную ориентацию нации, но нет пожизненной и окончательной. К тому же понимание «национальной идеи» следует время от времени корректировать, и иногда весьма кардинально. Неумолимый закон эволюции требует обновлять даже то, что кажется фундаментальным и не нуждающимся в изменении. Так, не противореча традиции, кардиохирург Лео Антонович Бокерия полагает, что национальной идеей следует объявить здоровье нации. Весьма интересная мысль, хотя воплотить ее непросто, в особенности, если физиологическое здоровье дополнить социальным и нравственным здоровьем. Не думаю, что каждое из них может отдельно созреть в своем собственном коконе. Отдельно они не расцветут во всей красе – надо думать, как организовать их совместное вызревание. Можно начать с физиологии, но не следует упускать из виду иные направления оздоровления нации. Совершенно очевидно, что без государственного вмешательства и финансовой поддержки программы рискуют остаться протоколами о намерениях и благими пожеланиями хороших людей.

Истоки формирования национального характера россиян следует искать, конечно, не в мессианских устремлениях нации, а в национальных традициях отношений к свободе, закону и власти. Здесь можно обнаружить не слишком привлекательную национальную специфику и связь поколений. В России поколениями путали свободу и волю, слагали песни о Разине и Пугачеве, Кудеяре и Чуркине; славили «казаченьков» на водных просторах и лихих «граждан матушки каменной Москвы». «С нашим атаманом не приходится тужить»... Автор статьи связывает этот отечественный феномен с непростой спецификой российской власти, с отношением народа и власти.

Наш президент утверждает, что политика России служит ее национальным интересам. Как гражданину своей страны, мне хотелось бы только приветствовать такое положение дел и такую власть. Правда, вспоминается то, что о своем служении общим интересам заявляет любая политическая власть и у всех народов, начиная с появления полисов. Это социальный закон и общее для всех поколений. Идея служения власти интересам нации и общенародным целям настолько

проросла идеологиями и мифологиями, что нуждается в серьезных оговорках и комментариях. Слово «народ» присутствует во многих культовых обрядах властей, которые («имуществом своим») служат народу, а не себе и соратникам. Далеко не всегда ясно, действительно ли совпадают интересы народа и власти или власть для собственной пользы просто декларирует такое совпадение. Не надо быть Н.М. Карамзиным, чтобы, вглядываясь в «историю государства российского», обнаружить в ней служение народа власти, редкое совпадение интересов народа и власти, а также специфику управления, на которой следует остановиться. Во всяком случае, вопрос о том, кто решает, в чем состоит национальный интерес России, должен сегодня занимать ее граждан, если они желают быть таковыми.

В истории России управлению всегда сопутствуют закрытость и тайна, персональная ответственность первого лица, требование и подчеркнутая лояльность первому лицу; уход первых лиц при помощи естественной или (чаще) насильственной смерти, интриги и смещение первых лиц. Тайное избрание и устранение под вымышленным предлогом. Россия всегда имела право выбора, и очень жаль, что народ мог только иногда, лишь во времена революций, социальных потрясений и смут пользоваться им, корректировать выбор, а в остальные времена вынужден был «добровольно» шагать по указанному ему пути. Возможно, потрясения и революции во многом были следствиями лишения народа права на выбор, и дорога свободы проросла, поэтому, лишними столетиями. Плохо не то, что не народная стихия определяла дороги, которые мы выбираем, а то, что личности, которые находились в разное время у власти, снимали с народа ответственность за его собственную судьбу. Так было в случаях идеологии изоляционизма отца царя, митрополита Филарета, окна в Европу Петра Великого, курса на овладение ресурсами и контроль за ними, на «закрытое общество» и евразийский мир Сталина[2]. Сегодня вновь встает вопрос об отказе от этой традиции и о самостоятельном участии в управлении страной. Это совсем не плохо, вносит новизну в былое однообразие исторических отношений народ – власть, но для большей последовательности мы (народ) должны кое-что поменять в себе. Должны прежде всего обучиться критическому отношению к верховной власти и управлению государством.

К одной из наших национальных странностей следует отнести доверие (иногда любовь) к верховному правителю и верховной власти, и в месте с тем готовность их устранить. Политическая память автора этих строк хранит имена правителей после Сталина, оказавших заметное влияние на историю страны, начиная с Н.С. Хрущева, затем Л.И. Брежнева, М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, каждого из которых встречали с надеждой, а провожали с большим облегчением. Для того чтобы объективно оценить их усилия, нужно знать «начальные

условия», которые предшествовали и менялись вместе с усилиями, а окончательный вердикт вынесет только время. Каждый из них уверял, что служит общему благу России, но роднит их не только это. Николай Второй полагал, что он по профессии «хозяин земли русской». Указанные лица и их близкие соратники фактически являлись владельцами территорий, акваторий и собственниками населяющих эти территории народов, могли ими распоряжаться по собственному усмотрению. Правда, референдумы и всеобщие голосования случались, но их результаты не имели значения для принимавших решения национальных вождей и элит. Как на референдуме по поводу сохранения СССР – народ проголосовал: сохранить! Вскоре после этого наш национальный лидер, с коллегами из других союзных национальностей меньшего размера, Союз распустили. Верховный Совет не возражал. Народ безмолвствовал.

Сегодня мы ждем, чем окончится правление весьма популярного в народе президента В.В. Путина. Ждем довольно долго, при современных западных демократиях столько не ждут. Правление может окончиться хорошо, если народ обучится социальной грамоте и станет критически оценивать и влиять на «служение» главы государства и работу самого государства, если научится видеть их взаимосвязь. Граждане должны понимать, что президент отвечает за работу государства, за его успехи и провалы, являясь его главным архитектором, строителем, отвечающим и за подбор кадрового, строительного материала. В остальном он может выступать лишь как уважаемое, но частное лицо. А кроме того, президенты должны быть переизбраны в срок, который не сами себе устанавливают и при необходимости продлевают, а сообразно закону, хотя могут оставаться при этом национальными политическими лидерами. Правление нынешнего президента во многих смыслах является весьма проблемным, но при нем население страны стало вновь обретать чувство собственного достоинства. Думаю, что это главный итог его работы и его вклад в национальную идею и национальный интерес России.

Однако движение в сторону большей демократии также не повредит. Если правы те, кто считает, что демократия отличается от диктатуры тем, что первая организует народную жизнь, опираясь на закон и право, а вторая, опираясь на силу и волю власти, если это верно, то Россия лишь в малой степени жила при демократии раньше и не вполне живет при демократии теперь. «По совести» жили, многие жили и живут «по понятиям», но не по Закону. Закон никогда не был обязателен для власти, а как следствие, – и для подданных. Раньше свобода понималась народом как освобождение от давящей силы социального неравенства. Теперь крепостное право отменили и мы, народ, сообща с властью, вместе будто бы строим правовое государство.

Нетрудно догадаться, что строительство и обретение правосознания дело не одного поколения граждан. Но «основной закон» – Конституция пребывает в постоянной динамике, и мой современник уже пережил их пять, начиная со Сталинской Конституции, которая принималась на века. В отношении нынешней также нет гарантий, что она переживет заказавшую ее власть. Некоторые смены Конституций несли благо, другие сильно проблематизировали народную жизнь, но, в любом случае, революционное конституционное сознание вновь возникавших властей не способствовало формированию гражданского и правового сознания народа. Между тем Конституция должна наиболее последовательно отображать правовой аспект национальной идеи, если таковая существует. В этом смысле наша национальная (многонациональная) идея размывается, плывет вслед за конституциями. Движется от вариантов иноземного коммунизма с российской спецификой до вариантов капитализма с той же спецификой. Как мы помним, от «уравниловки» до олигархата и «монетизации» всей народной жизни, включая ценности и добродетели.

Духовная составляющая идеи едва просматривается в этом политическом тумане перемен. Полагаю, что это одна из причин интереса к классической национальной идее, и даже рекомендаций и попыток ее возродить в новых исторических условиях. «Самодержавие, православие, народность». Со времен графа Уварова, выразившего в этой формуле господствующее состояние тогдашних умов, идея, как и российская «почва», претерпела некоторые исторические изменения. Православие теперь не признает сакрального характера верховной власти, хотя к нынешней относится с уважением, а Патриарх выступает с политическими заявлениями в поддержку властей. Самодержавие приказало долго жить, но обернулось заданием державного, имперского самостояния, направленным против возможного российского хаоса и распада государства. Либо империя, либо развал и исчезновение России – таковы нынешние убеждения[3].

В имперском сознании понятия «народ» и «русский» отождествляться очевидно не могут, но «русский» все же выполняет особую смыслообразующую функцию. Русский человек – это творец и носитель объединяющего языка, создавший универсальную культуру. Он творил религию, искусство, науку. Но здесь необходимо сделать одну существенную оговорку. Надо вспомнить Исократа и его предложение называть людей эллинами не по их общему происхождению, а по вкладу в культуру эллинизма. Нечто подобное вполне подходит для русской истории. Русское восприятие и коллективный Ум открыты для заимствований; они впитывали и преображали в себе мировую гармонию звуков, красок, телодвижений и слов. Можно вспомнить «музыку в камне» и представившего православие Успенским собором Аристотеля Фиораванти или отдать должное таким зодчим, как

Франческо Фонтана, Иоганн Готлиб Шедель, Бартоломео Франческо Растрелли, Огюст (Август Августович!) Монферран. Универсализм русской национальной культуры – следствие усилий не только этнических русских. В нем отражаются воды Днепра и Запорожская сечь, героическое Полесье Белоруссии. Он смотрит с вершин гор Кавказа, воспетых в великих стихах и прозе. Частью русской культуры, не растворяясь в ней, стали обычаи и предания горских народов, их эпос, песни и танцы. В культуре России видны степи Калмыкии, и ее героический эпос Джангр, культурные особенности народов Поволжья, Урала, Зауралья, Алтая и Горной Шории, и далее Сибирь и Дальний Восток, где малые народы и народности проживают вблизи Ледовитого и Тихого океанов. Все это – источники, питающие полноту национальной культуры[4].

Отметим творцов русской культуры, которые стали таковыми не потому, что их сочли достойными перевода на русский язык – они, не будучи русскими, изъяснялись на нем свободно. Достаточно вспомнить классика русской литературы украинца Николая Гоголя или Фонвизина, или, например, пронзительно национальные картины русской природы в работах живописца Исаака Левитана. Можно также вспомнить Екатерину Великую, любимца Петра генерала Лефорта, генералов Багратиона и Барклая или Ломоносова.

Русская культура – это, конечно, прежде всего, вековое творение русских людей. Творчество, однако, происходит не в пустоте культур и культурных идеологий, но испытывает влияния иных времен и цивилизаций – тех, кто пришел и тех, кто были до нас. Один из выдающихся творцов национальной идеи, русского православия и русской державности, «печальник» и «игумен земли русской», преподобный Сергий Радонежский, опирался на Василия Великого, на Иоанна Златоуста, на собратьев по вере, на единомышленника князя Дмитрия. Открытость иноземным влияниям является замечательным свойством русской национальной культуры и достоинством русского национального характера, если влияния сопровождаются и корректируются критическими оценками, что случается не всегда из-за отсутствия должной критической самооценки. На древе национальной идеи вызревали иногда плоды геополитических идеологий, уносившие авторов далеко за пределы державных притязаний преподобного Сергия Радонежского. Поэт и панславист Ф.И. Тютчев в «Русской географии» провозглашал, ставя в неловкое положение дипломатию Государя Императора:

Вот царства Русского заветные Столицы...
Семь внутренних морей и семь великих рек,
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Ефрат, от Ганга до Дуная.

Неслучайно нынешний президент, отвечая на вопросы во время «прямой линии» в апреле 2014, счел необходимым подчеркнуть: «Человек русского мира обращен не в себя, а развернут вовне». Эта развернутость якобы является источником русского патриотизма. Может быть, это и так, только такая «развернутость вовне», как у нашего глубоко национального поэта, не вполне согласуется со здравым смыслом, и «обращение в себя» русскому человеку явно не повредит. «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить»... Тютчев говорил, правда, и о долге самопознания, который надлежит исполнить каждому русскому человеку.

Поговорим о самопознании. Существует убеждение в том, что сотворение Мира и Человека явилось актом Самопознания Бога, которое может реализоваться только на пути творчества, безначальной, несотворенной, – как учил Николай Бердяев, – свободы творчества. Как созданные по образу и подобию Бога мы унаследовали способность к творчеству, стремление к свободе, влечение к самопознанию. Одно из самых ярких и глубоких сочинений «философа свободы» Н. Бердяева как раз и называется «Самопознание». Случай не исключительный. До Бердяева «К самому себе» обращался Марк Аврелий, писал «Исповедь» Августин Блаженный из Тагасты. Августин полагал, что существование Бога очевидным образом следует из самопознания человека. Его оппонент Фома Аквинский в «Сумме теологии» разъяснял, что из самопознания следует только существование вещей. Тоже не мало. Известны произведения Ж.Ж. Руссо, замечательные «Поэзия и правда моей жизни» Гёте, «Былое и думы» Герцена. Конечно, все они эгоцентричны и другими быть не могут, но это феномен духовности, указывающий на богатство внутренней жизни. Есть еще феномен воображения, который сопутствует многим авторам-политикам, сочиняющим легенды под названием «Мемуары». Данную статью также можно расценивать как акт самопознания.

Выше шла речь о самопознании личности, отсюда нужно переходить к самопознанию нации. Нация, как и отдельный человек, глядя в зеркало истории, пытается разглядеть в нем свое подлинное лицо. Задача не из легких, учитывая желание увидеть себя таким, каким хочется увидеть. Кроме того, история склонна менять свои оценки в зависимости от политической и идеологической моды. Идеологии сменяют друг друга, вместе с ними меняются изображенья. «Друг друга отражают зеркала, взаимно искажая отраженья», – сказал поэт. Мои современники пережили историй не меньше, чем конституций, и каждая «история» несла с собой разных героев и персонажей, превращая вождей в государственных преступников, а, скажем, бывшего реакционера графа Уварова в прогрессивного и яркого проводника русской национальной идеи. Эволюция идеи – это неизбежный естественно-исторический процесс. Связанный с его русским проис-

хождением, «восторг» полководца Суворова разделяют сегодня далеко не все. Восторг умеряет историческая память поколений, где кроме побед и славы, много крови и пепла. От предков с тех времен тянется отечественное неуважение к закону, убеждение в том, что лучше, если тебя судят «не по закону, а по совести», что адресная сила лучше слепого, анонимного закона, что воля – это и есть свобода, т.е. способ освободиться от произвола государства. Такое убеждение предков перешло, в частности, по наследству к обитателям Архипелага ГУЛАГа. И никакого восторга! До сей поры, полагаю, то негативное отношение к закону и государству, и почтение к силе таятся в глубинах русского, национального коллективного бессознательного. В крайних проявлениях стремление к вольнице и почитание державной силы приводит, как уже отмечалось, к любви и прославлению деспотии, в случаях не крайних – к тому, что в жизни и народном мнении всегда радикалы побеждали умеренных. Характерный пример являет противостояние Б.Н. Ельцина и М.С. Горбачева.

Обращусь за поддержкой к одному из выдающихся творцов русского универсализма Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, который писал о том, что «страна, создавшая одну из самых универсальных культур... явилась одной из самых жестоких национальных угнетательниц, и прежде всего своего собственного, центрального народа – русского, составляет один из самых трагических парадоксов в истории, в значительной мере оказавшихся результатом извечного противостояния народа и государства, поляризованности русского характера с его одновременным стремлением к свободе и власти»[5]. К этим воззрениям и позиции академика можно считать комментарием весь предыдущий текст. На тропе национального самопознания нас ждут не только победы и героические деяния предков, но и отмеченные неприятные странности национального характера и особенности национальной рукотворной судьбы. Зато есть в чем совершенствоваться, и ясно направление пути, на котором можно встретить понимание и, не теряя прежнего, предстать перед миром в свете своего нового исторического достоинства, обновленной национальной идеи и интересов. Такое движение уже началось, необходимо его продолжить.

***

Отдельные идеологии предполагают способность к самостоятельному мышлению, и поэтому возлагают на познающего субъекта обязанность выбора собственной позиции. К идеологиям, конечно, следует относиться критически. Не так давно русская нация несколько десятилетий исповедовала идеологию, которая учила о связи, зависимости сознания от экономических и политических условий существования. Вместе с тем она целиком погружала человека в область общественных отношений, было стремление изъять у индивидуума

и поместить вовне, в общественные отношения даже сокровенную «сущность человека». Это была политическая идеология, призванная к управлению «массой» и обезличенным человеком. Национальная идея пропадала в слепящем свете грядущей мировой революции. Но идеи – это упрямые порождения воображения и логики. Под влиянием новых идей политические и экономические условия радикально изменились, и время затребовало новую идеологию.

Существует или нет национальная идея, и, если она существует, то в каком виде и смысле? Положительный и отрицательный ответы лежат в области убеждений и веры. Выше я заявлял, что не верю в Идею, которая от века задана и встроена в историческую жизнь народа и, скажем, со времен князя Владимира Мономаха и крещения Руси управляет поведением нации. В это я не верю, но убежден, что тысячелетний опыт культурного развития России позволяет говорить о ее определенной исторической миссии, в которой нет ничего мистического. Российский вариант универсализма, великая литература, музыка, живопись и, разумеется, фундаментальные достижения науки могут быть и являются одним из мостов, который ведет к соединению народов в органическое глобальное целое. Универсализм стремится перестроить крикливую национальную разноголосицу в мировую симфонию. В этом, я думаю, и заключается национальная идея России, совпадающая в перспективе с ее национальным интересом. Важными компонентами, способствующими ее становлению, являются работа, дисциплина, историческая память и национальное самосознание. Как критический оптимист, надеюсь, что идея и интерес в итоге сольются.

Моя собственная национальная идея заключается в сопричастности к истории той нации, которая меня произвела и потребовала от меня и моих собратьев чувства ответственности, знания того, что происходит и участия в происходящем. В этом мое убеждение и моя вера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В связи со столетием начала Первой мировой войны полезно перечитать работу ее современника, впрямую относящуюся и к нашей теме: *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М., 2004.

[2] За подробностями отсылаю к книге А.И. Уткина «Россия и Запад: история цивилизаций» (М., 2000).

[3] См.: *Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. – М., 2008.

[4] Взаимодействие русской и иных национальностей представлено в исследовании Льва Аннинского «Русские плюс» (М., 2001).

[5] *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб., 2006. С. 197.

REFERENCES

Anninsky L.A. *Russians plus*. Moscow, 2001 (in Russian).

Berdyaev N.A. *The fate of Russia*. Moscow, 2004. 351 p. (in Russian).

Kantor V.K. St. *Petersburg: Russian Empire against Russian chaos*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2008 (in Russian).

Likhachov D.S. Selected Works on Russian and world culture. Saint Petersburg, 2006. 416 p. (in Russian).

Utkin A.I. *Russia and the West: the History of Civilizations*. Moscow, Gardariki, 2000. 576 p. (in Russian).

Аннотация

Национальная идея – это творение истории, которое представляет собой ряд сменяющих друг друга национальных идеологий, это способ осознания теоретической мыслью национального интереса своей страны. Идея и интерес формировали русский национальный характер. Что же касается духовной составляющей национальной идеи, то тысячелетний опыт культурного развития России и универсализм ее культуры позволяют говорить о ее собственной исторической миссии.

Ключевые слова: нация, идея, идеология, интерес, культура, самопознание, история.

Summary

The national idea is a creation of history, series of successive national ideologies, it's a way for theoretical thought to understand the national interest of the country. The idea and interest formed the Russian national character. As for the spiritual component of the national idea, the millennial experience of the cultural development of Russia and the universalism of its culture demonstrate its own historical mission.

Keywords: nation, idea, ideology, interest, culture, self-knowledge, history.